

УДК 340. 1

НОРМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ОБЩЕЗЕМСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГРАМОТАХ (ПРИВИЛЕЯХ) ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Л. Л. Голубева

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: lyudmila.golubeva@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы наследования имущества по общеземским и областным грамотам. Проанализированы такие институты гражданского права, как приданое и вено; выморочное имущество; правовое положение женщины-вдовы. Сделан вывод относительно влияния норм наследственного права на правовую культуру белорусского общества.

Ключевые слова: наследование имущества, общеземские и областные грамоты (привилеи), приданое, вено, выморочное имущество.

Annotation. Some issues of property inheritance according to general land and regional certificates are considered. Analyzed such institutions of civil law as dowry and vein; escheat; the legal status of a woman widow. The conclusion is made regarding the influence of the norms of inheritance law on the legal culture of the Belarusian society.

Keywords: inheritance of property, land and regional certificates (privileges), dowry, vein, escheat property.

Первые законодательные акты Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) свидетельствовали о сохранении старинных наследственных отношений и о появлении новых правовых норм [1]. В момент открытия наследства лицо, назначенное в завещании или указанное в законе, приобретало право наследования. Это право присваивалось ему помимо его воли, независимо от выраженного им намерения, в силу одного только юридического события: смерти, лишения всех прав состояния, безвестного отсутствия наследодателя.

Под принятием наследства понималось выражение намерения со стороны лица, призванного к наследованию имущества, вступить во все юридические отношения, составляющие в совокупности наследство. Только со времени принятия наследства наследник становился субъектом права собственности тех вещей, которые входили в состав наследства. Принятие наследства являлось односторонней юридической сделкой, выражающей согласие наследника на сделанное завещателем распоряжение, на осуществление предоставляемого ему законом права.

В законодательных актах ВКЛ мы видим, как постепенно оформляется институт наследования имущества среди сословия шляхты и мещан. Уже в первых общеземских грамотах присутствует ряд правовых норм, посвященных гражданскому праву и в том числе наследованию имущества, а также институту вено. При вступлении в брак муж, следуя давнему обычаю, должен был в целях обеспечения приданого записать жене на случай своей смерти вено, вычисленное в известной денежной сумме [2, с. 23]. Как правило, в состав вено входили: 1) треть недвижимого имущества мужа, не превышающая стоимости приданого жены; 2) привенок, т. е. собственно то, что муж приписал к приданому. Закон не определял количественного отношения между приданым и привенком, но на практике обычно привенок равнялся приданому [3, с. 30].

Состав и размер вено определялись, как правило, местными обычаями по соглашению жениха с отцом или другими родственниками невесты. Права мужа и жены относительно выделения вено, распоряжения им и его дальнейшей судьбы определялись обычным правом и законом и регламентировались как пожалование льгот шляхте, как расширение их свобод и вольностей. Первоначально величина вено законодательно не определялась, хотя уже Городельская грамота 1413 г. разрешала делать вендовые записи в пользу жены даже и на жалованные вотчины. Не определяли этого и областные грамоты, хотя относительно этой части вено они говорили: «на одной части», «на подобной части» [4]. Позже оформилась процедура записи вено. Вендовый лист должен был быть внесен в земские актовые книги мужем, женою или ее родственниками.

По понятиям того времени приданое — это своего рода паевый капитал, вносимый женой на предмет устройства новой семьи. В браке этим приданым пользовались совместно муж и жена. В случае прекращения брака в связи со смертью одного из супругов или путем развода приданое полностью подлежало возврату. В случае смерти бездетной жены оно возвращалось в семью, откуда она вышла, а в случае вдовства — приданое оставалось женщине, а от нее по наследству переходило к детям. Вдова имела право завещать свое имущество [2].

При разводах вопрос о приданом обычно решался путем взаимного соглашения разводящихся супругов. Для того чтобы приданое не подверглось растрате, а когда потребуется полностью было возвращено жене, муж, получая в день свадьбы из рук тестя приданое жены, одновременно с этим выдавал ей формальный документ, в котором писал, что получил за ней приданое на определенную сумму и обеспечил целостность его в этой сумме на такой-то части своих имений [2, с. 54–65].

Как считает И. И. Скитский, в ВКЛ приданое вносилось женою не мужу, а целой семье как основной хозяйственный фонд [5, с. 59]. При наличии детей

приданое оставалось в распоряжении семьи и вместе с имуществом мужа переходило по наследству к детям и их потомству. Но этот фонд, если он состоял из «пенязей» или вещей «рухомых», мог быть еще при жизни мужа истрачен. Жена могла остаться «пустой» и пережить своего мужа. В последнем случае приданое подлежало возвращению в тот дом, откуда оно было получено. Бесплодная вдова, не имеющая своего, отдельного от мужа имущества («властного»), могла остаться без средств существования. Для предупреждения подобных случаев муж, в соответствии с этим обычаем, обеспечивал при совершении брака целостность приданого известной долей своего собственного имущества под общим названием вено.

В Городельском привилее 1413 г. содержались первые общегосударственные нормы, которые касались наследования имущества. К шляхетским вольностям была добавлена еще одна — право наследования детьми имущества своих родителей. В привилее говорилось, что дети имели право получить в наследство имущество родителей после их смерти без вмешательства государственной власти (ст. 5). Этим привилеем были существенно расширены права вдовы. Закон разрешил делать записи в пользу жен на отчинном и подаренном великим князем имуществе (ст. 6) [5]. Тем самым положение вдов еще надежней гарантировалось правом.

В последующих привилеях институт наследования имущества получил более значительное развитие, так же как и институт приданого, и институт обеспечения вдовы. Привилеи XVI ст. были более досконально разработаны, и их положения без особых изменений позже вошли в статутное законодательство (привилеи Жигимонта I 1529 г. и Жигимонта Августа 1547, 1551 гг. и др.) [6; 7].

В грамоте Ягайло от 20 февраля 1387 г. признавалось право вдовы на владение и пользование имуществом умершего мужа до ее вступления в новый брак [4]. Вдова пользовалась имуществом умершего супруга до тех пор, пока снова не выходила замуж. Великий князь имел право передать это имущество по своему желанию иному лицу. Феодал, которому было заново пожаловано это имущество, должен был обеспечить «кормление» вдовы, т. е. пожизненное ее содержание. Очень часто в результате браков с вдовами, которые оставались на имуществе, рассмотренные владения переходили к другим лицам.

Аналогичные права гарантировались и следующими привилеями. Так, в соответствии с привилеем Казимира 1447 г. вдова оставалась в имении умершего мужа до повторного выхода замуж или же до того времени, пока она «на вдовьем столци седети будеть» [4]. При вступлении вдовы в повторный брак имущество, которым она временно владела, переходило к сыновьям или же к близким родственникам мужа. Здесь было закреплено право вдовы на некото-

рую долю, указанную в веновой записи, которую муж записал ей в соответствии с обычным правом. Вдова могла распоряжаться предназначенным ей вено по своему усмотрению.

Нормы, касающиеся наследования имущества, имеют место также и в областных грамотах [6, с. 239]. Так, в Полоцкой областной грамоте 1511 г. прослеживались достаточно широкие права вдовы и было закреплено ее право на пожизненное владение имуществом мужа и на свободный выход замуж [4]. В случае повторного замужества вдове оставалось то имущество, которое ей записал муж, однако размеры этой части имущества законом не определялись. При этом вдова должна была сообщить родственникам мужа, что он ей записал, а остальную часть имущества оставить наследникам мужа. Таким образом, законодательно закреплялось важное право женщин ВКЛ свободно выходить замуж.

Представляет интерес для исследователей права ВКЛ положение относительно выморочного имущества по Полоцкой областной грамоте 1511 г. По общему правилу выморочное имущество поступало великому князю. В Полоцкой грамоте говорилось, что великий князь обещал не вмешиваться в выморочное и наследственное имущество [4]. Это объясняется тем, что данная норма сложилась в период существования самостоятельного Полоцкого государства, в котором государственное имущество было отделено от княжеского, и поэтому от князя требовалось, чтобы он не вмешивался в имущество, принадлежащее Полоцкому государству.

Областные грамоты содержали и нормы брачно-семейного права, тесно связанные с имущественными отношениями. В областных грамотах, данных Витебской земле в 1503 г., Смоленской — в 1505 г. и Полоцкой — в 1511 г., запрещалось выдавать замуж вдов, владеющих вотчинами умерших мужей, и девушек против их воли. Содержащееся в областных грамотах правило относительно того, что жена оставалась в имении мужа до своей смерти или до вступления в новый брак, было подтверждено общеземскими грамотами Ягайло 1387 г. и Казимира 1447 г. Вместе с тем в этих грамотах было определено, что в случае вступления в новый брак вдова должна была, согласно обычаю, оставить все имущество мужа его наследникам. Городельская грамота 1413 г. разрешала шляхте записывать своим женам вено в своих вотчинах и выслугах, что подтвердилось затем и грамотой Казимира 1447 г.

Из содержания областных и общеземских грамот видно, что хотя в достаточное время и признавалось за вдовой право на владение имением мужа, но вдовья часть не включала в себя ничего определенного: в одних случаях вдова после смерти мужа могла владеть даже целым его имением до выхода замуж, в других — она получала только право на вено. Встречались и такие случаи, ко-

гда права вдов были настолько ограничены, что их после смерти мужа ограничивали в праве распоряжения имуществом.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что женщина уже в период формирования общегосударственного законодательства имела определенное право приобретать всякого рода движимое и недвижимое имущество. Она могла сама его дарить, продавать и закладывать, вступать в обязательства, вести судебные иски, для чего сама лично являлась в суды; если поручала подобные дела мужу, то выдавала ему на то формальную доверенность.

Право наследования в достатутный период было еще недостаточно полно урегулировано, часто зависело от воли великого князя. Например, он мог отдать девушку замуж с недвижимым имуществом и без него. Постепенно институт наследования оформлялся как правовой институт, и процесс этот шел параллельно с процессом складывания сословия шляхты. В этот период (конец XV — начало XVI в.) шляхта требовала законодательного закрепления основного права — права распоряжения недвижимым имуществом. Различный правовой режим феодальных землевладений этого периода («куплены», «отчины», «держания») обуславливали и отличия в наследовании недвижимого имущества. При этом законодатель должен был заботиться и о правах (и вообще о судьбе) жены и дочерей наследодателя.

Таким образом, первые законодательные акты ВКЛ свидетельствовали о нестабильности наследственных отношений, о неопределенных основаниях и характере наследования имущества, о колебаниях между обычными нормами и положениями и новыми, складывающимися в процессе развития государства, правовыми нормами. Несмотря на то, что это были отдельные и часто несистематизированные правовые нормы, они дополняли и развивали обычное право. Именно на их основании складывалось общегосударственное наследственное право. Позже в статутном законодательстве вопросы наследования имущества были развиты и приведены в более четкую систему.

Также в заключение хочется отметить, что правовая культура, являясь частью общей культуры общества и государства, тесно связана с правосознанием, опирается не него; вместе с тем представляет собой относительно самостоятельную категорию, так как включает в себя не только социально-психологические процессы, протекающие в обществе, но и юридически значимое поведение членов общества, правовую деятельность в виде правотворчества и его результатов, традиции правотворчества, практику функционирования правовых институтов. В целом проанализированные нормы общеземских и областных грамот, касающиеся наследственных правоотношений, оказали существенное влияние на формирование правовой культуры белорусского общества того времени.

1. Леонтович Ф. И. Источники русско-литовского права: Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилегии // [соч.] Засл. орд. проф. Варш. ун-та Ф. И. Леонтовича. Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1894. №1. 71 с. [Вернуться к статье](#)
2. Спасович В. Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву. СПб. : б/и, 1857. 77 с. [Вернуться к статье](#)
3. Таўсталес А. Права сямейнае паводле літоўскіх Статутаў. Нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права. Зап. аддз. гуманіт. навук. (БелАН). Кніга 8 : Працы кляса гісторыі. Т. III. №7 (82). Менск, 1929. С. 22–49. [Вернуться к статье](#)
4. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) ; пад агульн. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. 320 с. [Вернуться к статье](#)
5. Скитский, И. И. Невенованные вдовы по Литовскому Статуту и по толкованию Сената // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 7. С. 19–64. [Вернуться к статье](#)
6. Якубовский И. Земские привилегии Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. Ч. 346. № 4. С. 239–278. [Вернуться к статье](#)
7. Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев : Унив. тип. (В. И. Завадского), 1889. 210 с. [Вернуться к статье](#)